

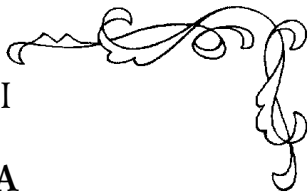
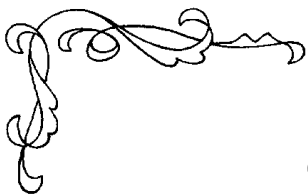
ФРЭНСИС БЕРНЕТТ

МАЛЕНЬКАЯ
ПРИНЦЕССА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ САРЫ КРУ

*Перевод А. Н. Рождественской
Иллюстрации Е. Граве*

Глава I

САРА

В один из тех пасмурных зимних дней, когда над лондонскими улицами нависает такой густой, тяжелый туман, что фонари зажигают с утра, а в магазинах горит газ, как-то вечером по улицам тихо ехал кэб, в котором сидела маленькая девочка со своим отцом.

Она сидела, поджав ноги и прислонившись к обнявшему ее одной рукой отцу, и с каким-то недетски задумчивым выражением в своих больших глазах смотрела на прохожих.

Это выражение казалось совсем не подходящим к ее маленькому личику. Странно было бы увидеть его и на лице одиннадцатилетней девочки, а Саре Кру было только семь лет.

Но дело в том, что Сара была не похожа на других детей. Она всегда думала и мечтала о чем-нибудь необыкновенном и всегда, насколько она сама помнила, интересовалась взрослыми людьми и их жизнью. Ей казалось, что она живет на свете уже много, много лет.

Сара только что приехала со своим отцом, капитаном Кру, из Бомбея в Лондон и теперь думала об этом путешествии. Ей вспоминался большой корабль, ласкары, тихо проходившие то туда, то сюда, дети, игравшие на залитой солнцем палубе, и жены молодых офицеров, которые обыкновенно старались заставить ее разговариваться, а потом смеялись над ее словами.

Особенно странным казалось Саре то, что сначала она жила в жаркой Индии, затем очутилась среди океана, а теперь ехала в каком-то необыкновенном экипаже по необыкновенным улицам, где днем было

так же темно, как ночью. Все это было так удивительно, что она пододвинулась еще ближе к отцу.

— Папа! — проговорила она тихо и таинственно, почти шепотом. — Папа!

— Что, моя милочка? — спросил капитан Кру, смотря на ее приподнятое личико. — О чем ты думаешь!

— Это «то место», папа? — прошептала Сара, еще крепче прижимаясь к отцу. — Да, папа?

— Да, моя крошка. Мы наконец доехали до него.

И, несмотря на то что Саре было только семь лет, она поняла, что ему тяжело говорить об этом.

Ей казалось, что папа ее уже давно, много лет тому назад, начал подготавливать ее к мысли об «этом месте», как она всегда называла его. Мать Сары умерла, когда она родилась, и потому девочка никогда не чувствовала, что ей недостает матери. Кроме молодого, красивого, богатого, любезного отца, у Сары, по-видимому, не было никаких родных. Они всегда играли вместе и горячо любили друг друга. Она знала, что ее папа богач, только потому, что слуги говорили это, когда думали, что она не слышит их; говорили они также, что и она будет богата, когда вырастет. Сара не вполне ясно понимала значение богатства. Она всегда жила в прекрасном доме, где было много слуг, которые низко кланялись ей, называли ее «мисси сайб» и позволяли ей делать все, что угодно. У нее была аяя, няня-индуска, боготворившая ее, и множество всевозможных игрушек. И она слышала, что это обыкновенно бывает у богатых людей. Вот все, что она знала о богатстве.

Сара была вполне счастлива, и только мысль о «том месте», куда ее когда-нибудь отвезут, несколько тревожила ее. Климат Индии вреден для детей, и их при первой возможности увозят оттуда, чаще всего в Англию, в школу. Сара видела, как уезжали другие дети, и слышала, как потом их матери и отцы говорили о письмах, которые получали от них. Она знала, что ей тоже придется уехать. Хоть иногда рассказы отца о путешествии и о новой стране интересовали ее, она с ужасом думала о том, что ей придется расстаться с ним.

— А не мог бы ты остаться в «том месте» со мною, папа? — спрашивала она, когда ей было пять лет. — Ты тоже поступил бы в школу, и я помогала бы тебе учить уроки.

— Ты недолго пробудешь там, моя крошка, — обыкновенно отвечал отец. — Я привезу тебя в красивый дом, где живет много маленьких девочек; ты будешь играть с ними, а я стану присылать тебе много, много книг. И ты будешь расти так быстро, что не ус-

пеем мы оглянуться, как ты, совсем большая и образованная, уже вернешься ухаживать за своим папой.

Сара любила думать об этом. Вести хозяйство отца, ездить с ним верхом, сидеть на первом месте за столом во время его званных обедов, разговаривать с ним и читать его книги — лучше она ничего не могла себе представить. И если для того, чтобы добиться своего счастья, нужно поехать в «то место», в Англию, то придется решиться на это. Что там много маленьких девочек — это ей все равно; но если у нее будет вдоволь книг, она как-нибудь проживет. Сара любила книги больше всего другого, и даже сама часто придумывала разные истории и рассказывала их себе самой. Иногда она рассказывала их отцу, которому они нравились так же, как ей.

— Ну что же, папа, — мягко проговорила Сара, — так как мы уже здесь, то, мне кажется, нам нужно примириться с этим.

Капитан засмеялся над такой странной в устах ребенка фразой и поцеловал Сару. Сам он никак не мог примириться с этим. Его девочка была для него отличным товарищем, и он знал, каким одиноким почувствует он себя, когда вернется в свой дом, в Индии, и навстречу к нему не выбежит его маленькая Сара в своем белом платье. И потому он нежно прижал ее к себе в то время, как кэб свернул на площадь и остановился около большого дома.

Это было мрачное кирпичное здание, совершенно такое же, как и все соседние дома. На входной двери его блестела медная дощечка, на которой было выгравировано черными буквами:

**«МИСС МИНЧИН. ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВИЦ».**

— Ну, вот и приехали, Сара, — сказал капитан Кру, стараясь говорить как можно веселее.

Он взял девочку на руки и поставил ее около подъезда, а потом они взошли на ступеньки и позвонили. Впоследствии Саре часто приходило на мысль, что дом этот удивительно похож на мисс Минчин. Он имел представительный вид и был хорошо меблирован, но

вся его обстановка отличалась полным отсутствием красоты. Мебель в приемной была жесткая, блестящая от полировки; даже румяные щеки луны, нарисованной на стоявших в углу больших часах, имели какой-то строгий, лакированный вид. В гостиной, куда привели Сару и ее отца, лежал на полу ковер, рисунок которого состоял из квадратов; стулья тоже были какие-то квадратные; в креслах, казалось, были вставлены необыкновенно твердые пружины, а на тяжелом мраморном камине стояли, в виде украшения, тяжелые мраморные часы.

Сара села на жесткий стул красного дерева и быстро оглянулась кругом.

— Мне здесь не нравится, папа, — сказала она. — Но что же делать? Ведь и военным, даже самым храбрым, наверное, не нравится идти на войну.

Капитан Кру расхохотался. Оригинальные замечания Сары всегда забавляли ее веселого, молодого отца, и он никогда не уставал слушать ее.

— Ах, моя крошка! — сказал он. — Что я буду делать, когда никто не будет говорить мне таких торжественных фраз! Только ты одна умеешь говорить их.

— Но почему же ты смеешься, слушая торжественные фразы? — спросила Сара.

— Потому что они выходят такие забавные, когда ты говоришь их, — ответил, снова засмеявшись, капитан. А потом он вдруг крепко обнял Сару и горячо поцеловал ее. Теперь он уже не смеялся; казалось, напротив, как будто слезы готовы брызнуть у него из глаз.

В эту минуту мисс Минчин вошла в комнату, и Сара тотчас же увидела, что она удивительно похожа на свой дом. Это была высокая, представительная, суровая и очень некрасивая женщина с большими холодными глазами и широкой холодной улыбкой. Увидав Сару и капитана Кру, она улыбнулась еще шире. От дамы, которая рекомендовала капитану ее школу, мисс Минчин получила несколько очень приятных сведений о нем. Так она, между прочим, узнала, что он очень богат и не пожалеет никаких расходов для своей маленькой дочери.

— Взять на себя заботу о такой прелестной и спо-

собной девочке, — сказала мисс Минчин, взяв руку Сары и глядя ее, — будет для меня большой честью, капитан. Леди Мередит говорила мне о ее необыкновенном уме. А способный ребенок — настоящее сокровище для такой школы, как моя.

Сара стояла неподвижно, устремив глаза на мисс Минчин. Ей, как всегда, приходили в голову странные мысли.

«Зачем она говорит, что я прелестная девочка? — думала она. — Ведь это неправда. Вот Изабелла, дочь полковника Грэнджа, действительно очень красива. У нее розовые щеки с ямочками и длинные золотистые волосы. А у меня зеленые глаза, короткие черные волосы, и я такая худая. Что же тут красивого? Я, напротив, очень дурна, я безобразнее чуть ли не всех детей, каких мне случалось видеть. Значит, она лжет».

Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Она на самом деле несколько не походила на Изабеллу Грэндж, самую хорошенькую девочку в полку; но зато она обладала особой, своеобразной прелестью. Это была слишком высокая для своих лет, худенькая, стройная девочка с милым, энергичным личиком и густыми, почти черными волосами, которые слегка вились на концах. Большие зеленовато-серые глаза ее с длинными черными ресницами были замечательно красивы, и цвет их нравился многим, хоть ей самой он казался отвратительным. Во всяком случае, Сара считала себя дурнушкой, и лезть мисс Минчин несколько не изменила ее мнения о себе.

«Я бы солгала, если бы назвала ее красавицей, — думала Сара, — и я знала бы, что лгу. Мне кажется, я в своем роде такая же безобразная, как она. Зачем же она сказала это?»

Когда Сара познакомилась с мисс Минчин поближе, она поняла, почему та сказала это. И она заметила, что мисс Минчин говорила то же самое каждому отцу и каждой матери, отдававшим детей в ее школу.

Сара стояла около отца и слушала, как он разговаривал с начальницей. Он решил отдать свою девочку в ее школу, потому что две дочери леди Мередит учились здесь, а капитан Кру был очень высокого мнения

о леди Мередит и вполне полагался на ее опытность. Он желает, чтобы Сара, живя в школе, пользовалась всевозможными удобствами. Ей нужна хорошенькая спальня, отдельная гостиная, экипаж и пони и особая горничная вместо айи, няни, ходившей за ней в Индии.

— Ученье дается ей легко, и относительно этого я несколько не беспокоюсь, — сказал капитан Кру, держа в своей руке руку Сары и похлопывая по ней. — Трудно будет, напротив, удерживать ее от занятий, не давать ей учиться слишком много. Она постоянно сидит, уткнувши свой носик в книгу. Она не читает книги, мисс Минчин, а пожирает их, как будто она волк, а не маленькая девочка. И она никак не может насытиться. Ей нужны все новые и новые книги, да еще самые большие и толстые и притом такие, которые пишутся для взрослых. А будут они французские, немецкие или английские, это ей решительно все равно. Она любит читать все — историю, биографию, стихи. Не давайте ей сидеть слишком много над книгами, мисс Минчин. Пусть она лучше покатается на пони или пойдет гулять и купит себе новую куклу. Ей следовало бы побольше играть в куклы.

— Послушай, папа, — сказала Сара, — ведь если я буду через каждые несколько дней покупать себе новую куклу, то у меня будет их слишком много. Куклы должны быть близкими друзьями. Моим самым близким другом будет Эмили.

Капитан Кру взглянул на мисс Минчин; мисс Минчин взглянула на капитана Кру.

— Кто такая Эмили? — спросила она.

— Пусть вам скажет это сама Сара, — с улыбкой ответил капитан.

Зеленовато-серые глаза Сары глядели серьезно и кротко.

— Это кукла, которой у меня еще нет, — сказала она. — Папа обещал купить ее. Мы пойдем за ней вместе. Я назвала ее Эмили, и она будет моим другом, когда папа уедет. Она нужна мне, чтобы говорить с ней о нем.

Широкая улыбка мисс Минчин сделалась льстивой.

— Какой оригинальный ребенок! — воскликнула она. — Какая милая маленькая девочка!

— Да, она милая маленькая девочка, — сказал капитан Кру, прижимая к себе Сару, — заботьтесь о ней получше ради меня, мисс Минчин.

Сара пробыла с отцом несколько дней; она оставалась с ним до тех пор, пока он не отплыл назад, в Индию. Они ходили вместе по магазинам и покупали много всевозможных вещей для Сары — накупили их гораздо больше, чем нужно было ей. Капитан Кру был щедрый, непрактичный человек. Он покупал для своей дочери все, чем восхищалась она, и все, чем восхищался он сам.

Таким образом они выбрали вдвоем довольно странный гардероб, слишком роскошный для семилетней девочки. Тут были кружевные и вышитые платья и бархатные, обшитые дорогими мехами шляпы с большими нежными страусовыми перьями; кофточки на горностаевом меху и муфты; коробки с крошечными перчатками, платками и шелковыми чулками. И все это покупали они в таком громадном количестве, что молодые женщины, стоявшие за прилавком, с изумлением переглядывались. Они решили, что странная девочка с большими мечтательными глазами как-нибудь иностранная принцесса — может быть, дочь индийского раджи.

Нелегко было капитану и Саре найти Эмили; долго пришлось им ходить по разным игрушечным магазинам и осматривать много кукол, прежде чем они отыскали ее.

— Я хочу, чтобы она глядела на меня не так, как кукла, — сказала Сара. — Я хочу, чтобы мне казалось, будто она слушает меня, когда я говорю с ней. Куклы нехороши тем, что они как будто совсем не слушают, — задумчиво прибавила она, склонив голову набок.

Итак, капитан и Сара пересмотрели целую кучу кукол, больших и маленьких, с черными и голубыми глазами, с темными локонами и золотистыми косами, одетых и неодетых.

— Если Эмили будет не одета, — сказала Сара, — мы можем отвести ее к портнихе, и та сошьет ей все

вещи. Они лучше будут сидеть на Эмили, потому что будут сшиты по мерке.

После множества неудач они решили, не заходя в магазины, осматривать сначала выставленных в окнах кукол. Выйдя из кэба и сказав извозчику, чтобы он тихонько ехал за ними, они отправились на поиски. В двух или трех ближайших магазинах не нашлось ничего подходящего. Они пошли дальше и приблизились к небольшой игрушечной лавке. Вдруг Сара остановилась и схватила за руку отца.

— О, папа! — воскликнула она. — Вот Эмили!

Щеки девочки вспыхнули, а в ее зеленовато-серых глазах появилось такое выражение, как будто она увидела кого-нибудь близкого и любимого.

— Она ждет нас, — продолжала Сара. — Пойдем к ней!

— Ах, боже мой! — сказал капитан Кру. — Как же нам быть? С нами нет никого, кто бы представил нас ей.

— Ничего, — успокоила его Сара. — Ты представишь меня, а я представлю тебя. Но ведь я узнала ее в ту же минуту, как увидела. Может быть, и она узнала меня.

Может быть, и узнала. По крайней мере у нее был очень разумный вид, когда Сара взяла ее на руки. Это была большая кукла, но не настолько большая, чтобы ее неудобно было носить. У нее были выющиеся темно-золотистые волосы и ясные голубовато-серые глаза с длинными густыми ресницами — настоящими ресницами, а не нарисованными.

— Да, это так, папа, — сказала Сара, посадив куклу на колени и смотря ей в лицо. — Это действительно Эмили.

Итак, Эмили купили и тотчас же отвезли в магазин, где продавались все принадлежности туалета для кукол, и, после тщательной примерки, выбрали для нее такие же роскошные вещи, как и для самой Сары. Ей тоже накупили кружевных, бархатных и кисейных платьев, и шляп, и кофточек, и великолепного, отделанного кружевами белья, и перчаток, и платков, и мехов.

— Я ее мама и должна заботиться о ней, — говорила Сара. — Она будет моим другом.

Капитан Кру делал бы все эти покупки с величайшим удовольствием, если бы одна мучительная мысль не сжимала ему сердце: он все время думал о том, что ему придется скоро расстаться со своей странной, горячо любимой маленькой девочкой.

Ночью он встал с постели и долго стоял, смотря на Сару, которая спала, обняв Эмили. Ее черные волосы рассыпались на подушке и смешались с золотистыми волосами куклы. Обе они были в отделанных кружевами пеньюарах, и у обеих длинные, загнутые кверху ресницы лежали на щеках. Эмили была так похожа на настоящего ребенка, что капитану было приятно видеть ее рядом с Сарой. Он глубоко вздохнул и каким-то мальчишеским движением закрутил усы.

— Ах, моя маленькая Сара, — пробормотал он, — ты, наверное, и не подозреваешь, как будет горевать по тебе твой папа!

На другой день капитан отвез свою девочку к мисс Минчин и оставил ее там. На следующее утро ему предстояло отплыть в Индию. Он объяснил мисс Минчин, что его делами заведуют в Англии стряпчие Барро и Скипворт, к которым она может обращаться за советом в случае какого-нибудь затруднения; они же будут оплачивать все расходы, какие она сделает для Сары. Он будет писать своей девочке два раза в неделю и желает, чтобы ей не отказывали ни в чем, чтобы она пользовалась всеми удовольствиями, какими пожелает.

— Она разумная девочка, — прибавил он, — и никогда не попросит чего-нибудь вредного или не подходящего для нее.

Потом капитан ушел с Сарой в ее маленькую гостиную, чтобы наедине проститься с ней.

Сара села к нему на колени и, взяв его за лацканы сюртука, долго и пристально глядела на него.

— Ты, должно быть, хочешь выучить меня наилучше, моя крошка? — спросил капитан, глядя ей волосы.

— Нет, — ответила она, — я и так знаю тебя наилучше. Ты у меня в сердце.

Они крепко обнялись и долго целовали друг друга; казалось, они были не в силах расстаться.

Когда кэб тронулся с места, Сара, сидя в своей гос-

тиной на полу и опершись подбородком на руки, не спускала с него глаз до тех пор, пока он не свернул за угол. Эмили сидела рядом с ней и тоже смотрела на кэб.

Мисс Минчин послала свою сестру Амелию посмотреть, что делает Сара. Но та не могла войти к ней, так как дверь оказалась запертой.

— Я заперла дверь, — послышался изнутри тихий, вежливый голосок. — Мне бы хотелось, если позволите, остаться одной.

Толстая недалекая мисс Амелия благоговела перед своей сестрой. Она была добрее мисс Минчин, но никогда не осмеливалась послушаться ее. Встревожившись и не зная, что делать, мисс Амелия опять сошла вниз.

— Никогда не видывала я такого смешного и странного ребенка, сестра, — сказала она мисс Минчин. — Она заперлась у себя и сидит тихо-тихо; из комнаты не слышно ни звука.

— Ну что же, это гораздо лучше, чем если бы она стала стучать и кричать, как делают иные, — возразила мисс Минчин. — Я боялась, что эта донельзя избалованная девочка поднимет страшный шум и всполошит весь дом. Ведь ей позволяли делать все что угодно.

— Я разбирала ее сундуки, — сказала мисс Амелия. — Ах, какие у нее чудные вещи, сестра! Собольи и горностаевые кофточки, отделанные настоящими валансьенскими кружевами белье! Ты видела некоторые из ее платьев. Как они понравились тебе?

— По-моему, они в высшей степени смешные, — резко ответила мисс Минчин, — но в воскресенье, когда воспитанницы отправятся в церковь, а она пойдет впереди всех, ее роскошные костюмы будут как раз кстати. Ей столько накопили всего, как будто она принцесса.

В это время наверху Сара и Эмили сидели в запертой комнате и смотрели на то место, где, завернув за угол, пропал из виду кэб. А капитан Кру все оглядывался назад, и махал платком, и посылал рукою поцелуи, как будто бы не в силах остановиться.

Глава II

ФРАНЦУЗСКИЙ УРОК

Когда Сара на следующее утро вошла в класс, все глаза с любопытством устремились на нее. К этому времени все воспитанницы — начиная с Лавинии Герберт, которая считала себя почти взрослой, так как ей было уже около тринадцати лет, и кончая четырехлетней Лотти Лег — успели узнать о ней многое. Они узнали, что она очень богата и будет зани-

мать особое, привилегированное положение в школе. Некоторые воспитанницы видели мельком ее горничную, француженку Мариетту, приехавшую накануне вечером. Лавинии удалось пройти мимо комнаты Сары в ту минуту, как дверь была отворена, и она увидела Мариетту, разбиравшую корзину, только что присланную из магазина.

— В корзине лежали до самого верха юбки с гофрированными кружевными оборочками, много, много оборочек, — рассказывала Лавиния своей подруге Джесси, низко нагнувшись над книжкой географии. — Я видела, как французская горничная встряхивала их. Мисс Минчин говорила мисс Амелии, что платья новенькой слишком роскошны и смешны для ребенка. Моя мама находит, что детей нужно одевать как можно проще. А знаешь, на новенькой и теперь такая же юбка. Я видела ее, когда она садилась.

— И на ней шелковые чулки! — шепнула Джесси, тоже нагнувшись над географией. — А какие у нее маленькие ножки! Никогда не видывала я таких.

— Пустяки! — презрительно фыркнула Лавиния. — Это просто от туфель. Моя мама говорит, что даже большие ноги кажутся маленькими, если башмаки куплены в хорошем магазине. И, по-моему, эта новенькая совсем не красива. Какого странного цвета у нее глаза!

— Да, она не похожа на других хорошеньких девочек, — сказала Джесси, украдкой взглянув на Сару, — но когда помотришь на нее, то хочется взглянуть еще раз. У нее необыкновенно длинные ресницы, но глаза почти совсем зеленые.

Сара спокойно сидела на своем месте и ждала, чтобы ей сказали, что нужно делать. Ее посадили около самой кафедры мисс Минчин. Сару нисколько не смущали любопытные взгляды воспитанниц; она с таким же любопытством смотрела на них. Она спрашивала себя, о чем они думают, любят ли они мисс Минчин, нравится ли им учиться и есть ли хоть у одной из них такой папа, как у нее. Утром она долго говорила о нем с Эмили.